

Зачем новая классификация и почему она такая

Именно Заккиас первым чётко отделил друг от друга такие термины, как мания и меланхолия. Мол, раньше с ними был полный бардак: Гиппократ толком их не разделял между собой и пользовался то одним, то другим для обозначения схожих помешательств; Аретей и Целий Аврелиан тоже их горазды были спаять вместе. А следом за ними и Цицерон писал, что и меланхолия, и неистовство (*furor*) для римлян особой разницы не представляли: дескать, наш пациент, как хотим, так и обзываем.

Так дальше продолжаться не может, решил Паоло. Мало того что при чтении древних свитков долго пытаешься понять, кто, дескать, кому Вася и на чём конкретно тот Вася помешался, так ведь и сейчас никакой упорядоченной отчётности, аж перед Трибуналом неудобно. Нет уж, будем последовательны: мания — это прежде всего агитация и возбуждение, а меланхолия — это, напротив, тоска и неподвижность.

Вернёмся к второй из причин, по которой Заккиас построил свою классификацию именно так. Причина эта — экспертная. Трибунал Священной Римской Роты, в числе прочих, рассматривал и такие вопросы, какие обычно решает сейчас судебно-психиатрическая экспертиза. Правда, лишь в особых, сложных случаях: всё-таки не простые люди заседают.

К примеру, поднимался вопрос о том, может ли стать священником эпилептик, который, вроде, больше в припадках не бьётся. Тут, отвечал Паоло, всё зависит от того, как тяжелы были те припадки, как долго длились, как часто случались, а главное — как чувствовал себя человек после этих припадков, долго ли ходил оглушённым. Ну и самое главное — нет ли у него теперь, когда с виду всё благополучно закончилось, отупения и потери памяти?

Спрашивали, привлекать ли к ответственности за преступление маниакального больного, который несёт какую-то пургу? Ах да, он ещё в епископы просился, с этим как быть?

Паоло разъяснял по пунктам: маниак, находясь в приступе возбуждения, никаких прав не имеет, но и ответственности за свои поступки не несёт. Вот дождётесь светлого промежутка между приступами — можете дать ему составить завещание. Но ни о каких общественных должностях, ни о какой церковной службе и уж тем более о посвящении в епископы речи и быть не может.

Кроме того, маниак не может давать свидетельских показаний о событиях, которые случились с ним во время приступа (а то он вам тут насвидетельствует так, что и батальон инквизиторов за полгода не разгребёт). Вступать в брак? Да ни в коем случае! В будущем? В каком, *pater noster*, будущем? А вот дать развод, если наш поспел везде пострел, можно. Да, вот ещё: вменить ему в вину уголовное преступление всё же можно, но лишь в одном случае: если замыслил он его заранее, будучи ещё здоровым.

Наказывать ли человека, совершившего убийство в сонном состоянии? Вот если он за собой такие вещи замечал, но не предостерегся — оружие не припрятал куда подальше, топор из-под подушки заранее не убрал в сарай, либо остановился на ночлег у человека, которого считал врагом, или по какой другой причине ненавидел, или у женщины заночевал, от которой в принципе не прочь был избавиться, — тогда да, надо наказывать.

Считать ли женщину в истерическом припадке невменяемой? Ведь биться-то она бьётся, и пусть молчит как рыба об лёд, но окружающих слышит и пытается знаками отвечать — как с ней быть? «А никак», отвечает Паоло. При истерике, мол, всегда восприятие искажается, поэтому женщину, страдающую истериками, следует, с юридической точки зрения, приравнивать к мертвецам или отсутствующим. Всё понятно? Умерла так умерла, пусть даже кивает или кулаком грозит.

Страсти (список смотри в приведённой классификации) Заккиас приравнивал к кратковременным душевным расстройствам. А раз так, то и судить совершивших преступление в этих состояниях не стоит слишком строго: ну малость не в себе человек был.

Заккиас, ещё ранее Виллизия, также различает внутри старинной категории тупоумия (*fatuitas*) такие градации, которые вспомнят много позже, когда речь пойдёт о глубине и выраженности олигофрении. В первом из расположенных по нисходящей рядов он помещает дураков (*sots*): они могут выступать свидетелями и завещателями, заключать брак, но не могут принимать священнический сан или исполнять какую-либо должность, «ибо они как дети, еще не достигшие зрелости». Собственно имбецилы, или тупицы (*fatui*), стоят на следующей ступени; они не могут нести никакой ответственности, ибо по уму еще не достигли сознательного возраста, подобно детям до семи лет. Что же касается бессмысленных (*stolidi*), то это просто камни; им нельзя доверить совершение каких-либо юридических актов, кроме разве что завещания, если их понятия хватает хотя бы на то, чтобы узнавать своих родных.

Нередко перед Трибуналом, а соответственно, и перед его советником ставили вопрос: а не косит ли человек под дурачка? Или наоборот: не пытается ли душевнобольной собрать себя в кучу, чтобы показаться здоровым?

Оказывается, были у Заккиаса свои способы для проверки. Например, он наблюдал за тем, спят ли пациенты с меланхолией или манией. По его убеждению, (впрочем, довольно часто так оно и есть) длительную бессонницу, которая обычно сопутствует таким состояниям, невозможно симулировать — симулянт просто заснёт, не на первые сутки, так на вторые, не на вторые, так на третьи.

Меланхолика, считал Заккиас, можно также проверить попыткой пробудить в нём какое-то сильное чувство, ибо находящийся в истинной меланхолии к подобным эмоциональным импульсам просто останется равнодушен, а симулянт выдаст себя, обнаружив, к примеру, радость или разочарование.

Если есть подозрение, что человек симулирует припадок, надо дать ему нюхнуть какой-нибудь едкий порошок: если станет чихать — значит, точно симулирует. Если же, наоборот, подозреваемый пытается скрыть, что у него припадки — не беда, есть два верных средства: либо дать вдохнуть дым от жжёного оленьего рога, либо пусть проглотит порошок высушенной бычьей печени. В те времена считалось, что эти снадобья как раз и вызывают припадки у тех, кто к ним предрасположен.